

РЕЦЕНЗИЯ
НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
Ресурсная модель модернизации экономики:
возможности и ограничения / под ред. В.Б. Кондратьева.
М.: ИМЭМО РАН, 2016, 326 с.

Луиза Петровна Ночевкина¹

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия

117997, Москва, Профсоюзная, д. 23

E-mail: l.nochevkina@imemo.ru

Поступила в редакцию: 01.11.2017; одобрена: 21.11.2017; опубликована онлайн: 24.12.2017

REVIEW
OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH
Resources-Based Modernization Model: Opportunities and Constraints.
Kondrat'ev V.B., ed. Moscow, IMEMO, 2016. 326 p.*

Luiza P. Nochevkina¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russian Federation

23, Profsoyuznaya street, Moscow, 117997

E-mail: l.nochevkina@imemo.ru

Submitted 01.11.2017; revised 21.11.2017; published online 24.12.2017

Вышедшая публикация – это серьёзное содержательное исследование современных структурных преобразований, т.е. нового этапа инновационного развития в мировом масштабе с особым вниманием к «ресурсным» странам, исторически бедствующим от богатства природными ресурсами.

Исторический опыт свидетельствует о том, что избытки минеральных ресурсов в стране порождают, как правило, деформацию структуры её экономики. Изложить и оценить столь масштабные структурные сдвиги в большинстве бывших «неразвитых» стран – задача чрезвычайно сложная, и с этой задачей коллектив авторов успешно справился. Авторам удалось сочетать исследование новых процессов в мировом масштабе на уровне увеличивающейся группы ресурсных стран и хода

развития «вторжения» в *отдельные отрасли* – традиционные и новые, современные. Именно инновационные «подвижки», расширение инноваций меняют структуру экономики в разных странах, стирают границы между отраслями, превращая их в практически новые отрасли.

В работе чередуются и пересекаются (на мой взгляд, как читателя) две главные темы, затрагивающие разные направления в исследованиях инновационного развития в ресурсных странах. Это обобщение современных тенденций структурных перемен в *масштабе стран* и детальный анализ *технологических* современных направлений на уровне *отраслей*. Это сближает и «примиряет» оценку факторов институциональных, мирохозяйственных и быстро растущих технологических на

* Для цитирования: Resursnaja model' modernizacii jekonomiki: vozmozhnosti i ogranichenija [Resources-Based Modernization Model: Opportunities and Constraints]. Kondrat'ev V.B., ed. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). 2016. 326 p. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_018.pdf

новой стадии инновационного развития. Эти две составляющие помогают читателю оценить всю сложность и противоречивость происходящих процессов в ресурсных странах, и не только в них. Так, в мирохозяйственном (по странам), т.е. в макроэкономическом подходе на передний план выступают факторы институциональные, а в отраслевом – объективные, технологические. В каждой стране сочетания этих процессов, как правило, разные, что обогащает содержание работы в целом.

Диверсификация – это важное направление всей работы, своего рода «увертюра» к пониманию глубины процессов обновления экономических структур. Диверсификацию (вторжение, проникновение) авторы рассматривают как отражение чётких проявлений современных инновационных изменений. Процесс диверсификации и структурные сдвиги происходили по-разному в ресурсных странах в зависимости от институциональных и структурных факторов, от влияния государства, иностранных инвестиций, от мировых тенденций в развитии науки и технологий и т.д. Именно многообразие раскачивает всю сложившуюся структуру экономики, и границы между инновационными и традиционными отраслями сливаются. В результате такого «вторжения» традиционные отрасли перестают быть устаревшими.

Содержательный анализ процессов диверсификации в экономике в ресурсных странах занимает заметную часть работы. Это страны Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Индонезии. Так, в *Чили* – одном из показательных успешных примеров – регулирование финансового сектора и рынка капитала в условиях рыночной экономики сделало возможным доступ к финансированию для малых и средних предприятий. Именно в Чили правительство разработало систему их поддержки для выхода на зарубежные рынки в секторе аквакультуры и рыбной отрасли, поддерживая политику импортозамещения и защищая свою экономику от иностранной конкуренции. В *Индонезии* с 1970-х годов экономическая политика опиралась на высокие доходы от экспорта нефти, т.е. на собственные сырьевые источники, а не на иностранный капитал. При этом основная доля этих доходов направлялась уже в развитие транспортной инфраструктуры и в аграрный сектор. Это была активная политика стимулирования аграрного сектора с помощью собственной нефтяной отрасли. Во времена нефтяного бума на аграрный сектор приходилось до четверти всех государственных инвестиций. В итоге сельское хозяйство стало способным накормить рабочую силу в развивающихся отраслях промышленности (стр. 124). В *Малайзии* за последние 40 лет изменилась структура

экономики с преобладанием сельского хозяйства и добычи олова в страну с обрабатывающей промышленностью и с ориентацией на экспорт. При этом масштабы и структура экспорта почти всех бедных ресурсных стран принципиально изменились. Так, если в 70-х годах 80% экспорта почти всех бедных стран составляла продукция сельского хозяйства, то к настоящему времени те же 80% – это промышленный экспорт.

Практически почти во всех странах государство поддерживало устойчивую макроэкономическую ситуацию, создавало специальные институты, разрабатывало механизмы для стимулирования диверсификации, т.е. политику, аналогичную с развитыми странами.

Однако, как показывает мировой опыт, основную роль в кардинальных изменениях структуры хозяйства играют институциональные факторы и уровень развития экономики: «Экономика страны легче меняет специализацию, когда её общий уровень достигает более высокой степени развития» (стр. 113).

Опыт *Норвегии* служит убедительным тому доказательством. Так, с середины 70-х годов интенсивный рост сектора нефти и газа, в отличие от большинства ресурсных стран, стал толчком к экономическому и социальному подъёму. Эта страна с интенсивной научно-технологической деятельностью уже имела развитое машиностроение, электрохимическую промышленность, опыт быстрой реакции на изменения экономических условий. Так, в течение XX века Норвегия дважды принципиально меняла свою специализацию в международном разделении труда: из традиционной морской и лесной страны превратилась в страну с мощной электрометаллургией и электрохимией. С новой базой запасов нефти и газа на шельфе Северного моря удачным направлением диверсификации производства становится переориентация её экспорта с нефти на газ.

Однако не меньше, а, пожалуй, больше внимания уделяется в работе проблемам *ограничений* и *сопротивлений* процессам *диверсификации*, а именно *локализации*. На богатом конкретном материале авторы дают представление о многообразии как возможностей, так и ограничений ресурсных стран на пути к инновационному развитию. Необходимость создания новых рабочих мест предпочтительно на отечественных, а не на внешних рынках, остаётся одним из типичных явлений как в развитых, так в развивающихся отсталых странах.

Для стран, начинающих путь к освоению новаторства – это неизбежная (и желательная) *дивер-*

сификация, т.е. «вторжение» в уже сложившуюся экономическую структуру, но, с другой стороны, – это необходимость дополнительной защиты отечественного производства в новых условиях рыночной конкуренции.

Эти сложные и противоречивые ситуации отражены в работе на конкретных примерах нескольких стран, и не только бедствующих ресурсных, но и развитых благополучных.

О значимости и сложности этой проблемы свидетельствуют, например, итоги исследований 100 международных проектов, посвящённых локализации производства под впечатлением кризиса 2008–2013 гг. (стр. 151). Самыми заинтересованными и озабоченными локализацией своих экономик (по количеству поданных проектов) оказались Бразилия, США и Китай. Так, Бразилия, например, ввела ограничения на импорт компьютерного бизнеса, что привело к росту своего производства в разы и поддержало начавшийся рост производства медицинского оборудования в своей стране.

Показателен опыт Китая по поддержке локализации в своей стране. С начала 80-х годов Китай объявил автомобильную промышленность важнейшей отраслью экономики, субсидируя создание совместных предприятий с иностранными инвесторами. Политика локализации продолжала действовать и после присоединения Китая к ВТО (Китаю удалось обойти некоторые его ограничения).

К 2009 г. Китай обогнал США по объёму производства автомобилей и стал крупнейшим в мире их производителем. Растущий внутренний спрос на них, особенно во внутренних районах страны, привёл к многочисленным отрицательным последствиям для населения, в том числе к угрозе здоровью и т.д. Это и другие последствия заставили перенести акцент на энергосберегающие технологии, на производство гибридных автомобилей, машин на электроэнергии, т.е. переходить на инновационный путь развития. Доминирующее положение на автомобильном рынке, и не только на нём, занимают государственные компании. Это – результат политики Китая, направленной на поддержку отечественного производства, т.е. на *локализацию*.

Политика локализации характерна и для развитых стран для поддержки отечественного производства и занятости, в том числе и в традиционных отраслях в трудные периоды. Однако быстрее растёт интерес к *новым отраслям*, а именно – к возобновляемой энергетике, например, к созданию ветряных турбин. Мощности ветровой энергетике удваиваются каждые три года с темпами прироста

в 20% (стр. 157). Лидеры по установленной мощности – Китай, США, Индия и Бразилия. В последние годы к ним присоединилась Канада, где ветровая энергетика стала рассматриваться как важный дополнительный источник к гидроэнергетике.

Однако столь подробный анализ защиты отечественных экономик удаляет читателя, на мой взгляд, от целостной картины динамичного роста ресурсозависимых стран и их возможностей, а не только ограничений. Такой размах тематики о локализации можно объяснить и тем, что проблема именно диверсификации – одна из наиболее трудных и не всегда очень успешных процедур по сравнению с локализацией, и не только в ресурсозависимых странах. Многие из бедных стран расширили диапазон предпринимательского сектора, что, как правило, стало толчком к их успешному экономическому развитию.

Участие ресурсных стран в мирохозяйственном процессе инновационного развития заметно изменило картину взаимодействия между *государством* и *бизнесом*. Динамичность и многообразие этих отношений более детально иллюстрированы на примерах *развитых стран* (США, Великобритания, Канада, Австралия). Правительства большинства из них всё чаще передают частному сектору права и сферы хозяйственной деятельности, расширяя тем самым свои экономические связи. Из развивающихся стран в этом направлении дальше всех продвинулись Китай, Бразилия, Индия, Чили, Перу, Индонезия.

Справедливо отмечена тенденция к расширению экономических связей, в том числе инвестиционного партнёрства, между новыми ресурсными странами и экономиками развитых, благополучных стран. Одно из главных препятствий – несоответствие *уровня развития* производственной и социальной *инфраструктуры*, которая остаётся в собственности государства, частным компаниям с большими рисками, особенно в отраслях добывающей промышленности, в автомобильном хозяйстве. Тем не менее для развивающихся ресурсных стран (Чили, Индонезия, Перу) формы частно-государственного партнёрства и кооперации считаются необходимым институтом, поскольку только силами рынка положительного эффекта, как правило, не достичь.

Необычен и интересен опыт Бразилии, где в сфере здравоохранения объединились государственные и частные компании. Одна из целей – достижение большей доступности лекарств, особенно при тяжёлых заболеваниях. Сейчас Бразилия – крупный рынок лекарств в Латинской Америке, занимает

6 место на мировом фармацевтическом рынке, а здравоохранение – приоритетная сфера, контролируемая государством.

Интересен и содержателен раздел о *современных моделях* отношений государства и бизнеса, начиная с 1990-х гг., в Канаде, Австралии, США, а также в Китае, Бразилии, Индии и ОАЭ. Содержательны также оценки *инновационного партнёрства* и обобщения мировой практики управления их инвестиционным взаимодействием. В целом большинство успешных ресурсных стран *расширило диапазон предпринимательского сектора*, что, как правило, становилось толчком к их дальнейшему экономическому развитию.

Отраслевой аспект исследования современных инновационных процессов удачно продолжает и углубляет анализ особенностей перехода к новой ступени развития, с особым вниманием к активному участию *технологической составляющей*.

Первая из выбранных отраслей – *лесопромышленный комплекс* (ЛПК). Это типичный традиционный блок отраслей, который, как правило, отставал от темпов экономического роста экономики в целом и не был «зачинщиком» заметных инноваций. Это отражало нарастающие трудности этих отраслей в рамках традиционных моделей как в масштабе макроэкономики в целом, так и технологий, типичных для второй половины XX века. Этот раздел – интересный анализ инновационного развития в такой «спокойной» и традиционной сфере хозяйства, не связанной, казалось бы, с современными резкими переходами, в том числе и в технологиях. Обширный статистический материал, в том числе и данные по межотраслевым балансам, иллюстрируют характер и изменения экономических связей с мировым рынком, что придаёт этому исследованию особый интерес. Автор отмечает возможности и ограничения перехода ЛПК к новому этапу инновационного развития. Нельзя не согласиться с тем, что каждая из стран проходит свой путь развития отраслевой структуры и находится на разных этапах её зрелости. «Мир стоит на пороге новой технологической революции, которая может снять накопившиеся противоречия, в том числе между индустриальным ростом и сохранностью природной среды» (стр. 258). Тем не менее основной инновацией в ЛПК автор называет «зелёную экономику» как новый формат роста лесопромышленного комплекса. Так, Комитет по лесам и лесной промышленности ФАО ООН и Европейская лесная комиссия наметили рабочую программу на период 2014–2017 гг., где план действий необходимо использовать как инструмент для взаимодействия с другими *нелесными отраслями*.

Переход ЛПК к инновационному развитию и реализации этой идеи в разных странах весьма неодинаков и зависит, в первую очередь, от общего уровня их экономического развития, ибо это мероприятие очень дорогое и чрезвычайно сложное. Примерами послужили развитые страны: США и Канада с опытом использования *зелёных строительных технологий*. Такие технологии применяются в нежилем строительстве (общественные здания, промышленные и т.п.), но преимущественно в развитых богатых ресурсных странах. В следующем десятилетии темпы расширения затрат на «зелёное жилое строительство» должны опережать рост затрат в нежилом секторе. Многоэтажные дома из древесины – это феномен XXI века.

Не менее содержательна глава о традиционном, но чрезвычайно динамичном комплексе, а именно о *металлургическом*, который всегда играл ключевую роль в переходе на новую технологическую ступень. Это серьёзное и интересное исследование исторического пути ресурсно-технологической отрасли, которая обновлялась на каждой новой ступени мирового экономического и технологического развития, отрасль с богатой биографией и с быстрой реакцией на структурные перемены современной экономики.

Эта отраслевая структура, издавна с поддержкой государства и с малым участием на мировой арене, постепенно превратилась в одну из самых масштабных мирохозяйственных отраслей, обновляясь на каждой новой ступени мирового технологического развития. Это одна из глав, насыщенных экономико-технологической информацией, расширяющей картину растущей роли новых факторов, в том числе изменений в области технологии, а не только институциональных. Глава представляется несколько удалённой от составляющей всей коллективной работы, а именно от участия *ресурсозависимых стран* в современных процессах перехода к новому этапу инновационного развития (за исключением Китая). В основном это продолжение анализа диверсификации вообще. Кроме того, этот раздел явно перегружен детализацией, подробностями, не всегда отражающими современные изменения в мире стран ресурсозависимых. Тем не менее эта глава – одна из наиболее насыщенных информацией, расширяющей картину растущей роли институциональных и технологических факторов при большем внимании к факторам институциональным.

В отраслевых главах, как правило, особое внимание уделяется специфике современных направлений в их развитии. Так, *химическая промышленность* рассматривается как часть *мирового*

хозяйства с высокой долей технологического участия в процессе производства. Это одна из отраслей с экономической открытостью и при расширенном обмене внешнеторговых связей в процессе обмена технологией, инвестициями т.д. Основным механизмом сотрудничества – это прямые иностранные инвестиции и транснациональные сделки слияний и поглощений. Это относится и к развитым, и к ресурсозависимым странам, участие которых в этих процессах заметно выросло за последние 10 лет. В основном это ресурсные страны Южной и Юго-Восточной Азии: Индонезия, Малайзия, Саудовская Аравия. В итоге заметно происходит *технологическое выравнивание* ресурсозависимых и развитых стран. Первой из них открыла рынок для иностранного капитала Саудовская Аравия. С конца 70-х годов компания Sandi Basic Industries стала одной из крупнейших в мире диверсифицированных компаний при сохранившемся контроле государства. Такой же ход событий характерен и для Индии, где экономическая открытость для внешних связей, обмен инвестициями, информацией и т.п. обеспечивают взаимный интерес обеих сторон, как правило, на уровне предприятий. Страны-лидеры готовы быть финансовыми и технологическими донорами азиатских химических рынков, так как ресурсные возможности делают их выгодными.

В главе отражены и институциональные проблемы: в процессе пересмотра прав собственности в сфере производства сырьевых материалов, удобений и т.д. государство, независимо от форм собственности, обеспечивает им юридическую защиту от рисков. Бывшие сателлиты больше стремятся к *технологическому инновационному* приоритету, что особенно заметно в Индии и в Китае. Этот анализ сложной современной отрасли промышленности достаточно содержателен и интересен, хотя можно упрекнуть за некоторый перегруз деталями и статистикой.

Одна из актуальных современных проблем – растущая роль *инфокоммуникационных технологий* (ИКТ) в экономическом развитии практически всех отраслей производства. Все сферы бизнеса нуждаются не только в конкретной локальной поддержке ИКТ, но и в информационных системах, объединённых в единое информационное поле, поскольку требуются большие усилия всех звеньев производственных процессов. Эти условия доступны, как правило, развитым странам.

Информационная сфера находится, по выражению автора главы, на стадии технической зрелости с высокой долей участия государства, располагает современным технологическим базисом мирового

класса и, что особенно важно, профессиональным кадровым потенциалом. По мнению автора, самый убедительный тому пример – это опыт Норвегии (о чём шла уже речь в первом разделе всей работы, но по другому поводу, не с отраслевых, а с институциональных позиций). В масштабах ЕС по индексу «цифровой компетентности» Норвегия – в тройке лидеров, уступая Дании и Швеции. Это лишний раз подтверждает зависимость инновационного развития от уровня развития как экономики в целом, так и науки, культуры и т.д. В отличие от Европы, Австралия в развитии информационной сферы ориентируется на рынок и частное предпринимательство и имеет при этом заметные успехи в развитии инфокоммуникации. Таким образом, в этом варианте фактор институциональный не определяет эффективности важнейшей сферы экономического развития.

Завершающаяся глава этой коллективной работы – *нематериальные факторы в развитии сырьевых отраслей* – явная новизна в исследовании факторов экономического развития. Границы между сферой производственной и «сферой услуг», в том числе в статистических официальных показателях, уже продолжительное время являются нерешённой спорной проблемой. А между тем реальные и растущие взаимосвязи между технологиями сервисными и индустриальными прослеживаются на всех уровнях хозяйства. Доля занятых в сервисном секторе в США и Великобритании превысила 50%, а в странах ОЭСР – 40%.

Взаимодействие нематериальных факторов и их комбинаций с вещественными «элементами» в этой главе исследуется на примерах горнорудной индустрии как самой типичной отрасли в ресурсных странах. Статистическая база исследования невелика, тем не менее по ряду источников можно определить структурные показатели участия «услуг» в добывающих отраслях. О масштабах и динамике *потоков услуг* (в стоимостном исчислении) автор судил по международной статистике межотраслевых балансов. Самые высокие показатели доли в расходах на высокотехнологичные и наукоёмкие услуги (от 17 до 25%) были в Канаде, Нидерландах, Норвегии, США, а из ресурсозависимых бедных стран – только в Бразилии (25%); показатель для России – 6,9%.

Далее автор приводит очень детальные данные, главным образом по структуре различного рода именно услуг, в том числе в структуре сырьевых компаний, что, на мой взгляд, уводит внимание читателя не только от темы самой главы, но и от анализа процессов, в том числе общеэкономических, характерных для перехода на инновационный путь

развития для развитых отраслей в целом. А это – цель всей работы. Тем не менее, этот в большой степени теоретический раздел – вклад в дальнейшее исследование процесса перехода экономики на новую ступень развития в мировом масштабе.

Выводы

Избранная авторами тема довольно сложна и расширяет круг исследуемых стран с уникальными условиями в каждой из них. Авторы показали, что

тем не менее источником и «зачинщиком» новых технологий остаются развитые страны. Зарубежный опыт, возможности и препятствия к модернизации на современном этапе экономического развития может и должен быть реализован для выбора верного пути развития экономики *России*, которая, по данным анализа десяти самых богатых природными ресурсами стран, занимает *первое место* по совокупной стоимости доказанных запасов полезных ископаемых, опережая США и Саудовскую Аравию (стр. 22).

Об авторе:

Ночевкина Луиза Петровна, главный научный сотрудник, Отдел науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23), доктор экономических наук, профессор, l.nochevkina@imemo.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the author:

Luiza P. Nochevkina, Chief Researcher, Science and Innovation Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, l.nochevkina@imemo.ru

The author have read and approved the final manuscript.

